

инструментальных методов ИНОТЭКУ Калининградского государственного технического университета.

Д. Л. Сергеев – канд. экон. наук, доцент Западного филиала РАНХиГС.

Information about the authors

L. I. Sergeev – Doctor of Economics, Professor. Honored Economist of the Russian Federation, head Department of Economic Theory and Instrumental Methods of INOTEKU Kaliningrad State Technical University.

D. L. Sergeev – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Western Branch of the RANEPА.

Статья поступила в редакцию 26.08.2024; одобрена после рецензирования 28.08.2024; принята к публикации 30.08.2024.

The article was submitted 26.08.2024; approved after reviewing 28.08.2024; accepted for publication 30.08.2024.

Балтийский экономический журнал. 2024. № 3(47). С. 116-134.

Baltic Economic Journal. 2024. No. 3 (47). P. 116-134.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 338.57

doi: 10.46845/2073-3364-2024-0-3-116-134

Экономическая оценка устойчивости рыболовства в Балтийском море

Александр Геннадьевич Харин

ФГБОУ ВО "Калининградский государственный
технический университет", Калининград, Россия
aleksandr.harin@klgtu.ru

Аннотация. Ухудшение состояния рыбных запасов является одной из основных проблем рыболовства в Балтийском море. Вслед за многими другими исследователями автор статьи полагает, что главной причиной деградации рыбных ресурсов Балтики выступает чрезмерно высокая промысловая активность. Рассматривая вопросы устойчивости регионального рыболовства, используя для этого результаты различных исследований, оценивающих состояние рыбных ресурсов Балтики, и основываясь на социально-экономических показателях рыболовства, мы пришли к выводу, что ключевым недостатком существующей политики регулирования

отрасли является приоритет сиюминутных выгод, поощряющий избыточно высокую промышленную активность. Решением проблемы являются переход к модели эколого-ориентированного рыболовства, наилучшим образом учитывающей специфику экосистемы Балтийского моря, и реализация концепции т. н. “синей экономики”, базирующейся на принципах устойчивости.

Ключевые слова: Балтийское море, рыбные ресурсы, рыболовство, устойчивое развитие

Для цитирования: Харин А. Г. Экономическая оценка устойчивости рыболовства в Балтийском море // Балтийский экономический журнал. 2024. № 3(46). С. 116-134. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2024-0-3-116-134>

REGIONAL AND SECTORAL ECONOMY

Original article

Economic assessment of the sustainability of fisheries in the Baltic sea

Aleksandr G. Kharin

Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russia

aleksandr.harin@klgtu.ru

Abstract. The deterioration of fish stocks is one of the main problems of fisheries in the Baltic Sea. Following other researchers, we assume that the main reason for the degradation of fish resources in the Baltic Sea is overfishing. This paper focuses on the sustainability of fisheries in the region. Using the results of various studies on the state of fish resources in the Baltic Sea and based on socio-economic indicators of fisheries, we conclude that the key shortcoming of the current policy is the priority given to short-term benefits, which encourages overfishing. The solution is to move to a sustainable fisheries model and implement the concept of a “blue economy” in the Baltic Sea region based on the principles of sustainability.

Keywords: Baltic Sea, fish resources, fisheries, sustainable development

For citation: Kharin A. G. Economic assessment of the sustainability of fisheries in the Baltic sea // Baltic Economic Journal. 2024;(3(47)):116-134. <https://doi.org/10.46845/2073-3364-2024-0-3-116-134> (In Russ.).

Введение

В течение последнего десятилетия многими учеными и практиками отмечается заметное ухудшение условий ведения рыбного промысла в Балтийском море. Среди причин часто называется изменение среды обитания, неблагоприятно повлиявшее на биоразнообразие и экологический баланс моря. Уникальная морская экосистема Балтики сформировалась благодаря солоноватой воде, вследствие изолированности моря от Мирового океана и больших объемов пресной воды, поступающей от впадающих рек. Активная хозяйственная деятельность, ведущаяся на берегах моря, обуславливает высокое содержание в речных стоках и водах Балтики питательных веществ (таких как азот, фосфор и др.). Это в условиях мелководности моря, ограниченного притока океанических вод и медленной циркуляции воды способствует процессу

эвтрофикации, интенсивному росту водорослей и других первичных продуцентов. В свою очередь, массовое цветение водорослей в теплое время года часто становится причиной снижения уровня кислорода в морской воде и приводит к образованию гипоксических, или бескислородных зон, негативно отражающихся на состоянии рыбных запасов.

Данные особенности, безусловно, оказывают существенное влияние на продуктивность рыбных ресурсов Балтийского моря, однако не менее важным фактором, не только во многом определяющим тенденцию оскудения рыбных запасов, но и ухудшающим состояние всей экосистемы моря, также является чрезмерно активное рыболовство [1]. Наличие этого фактора обуславливает актуальность применения более строгого подхода к управлению рыбным промыслом, который, помимо прочего, должен предусматривать чрезвычайные меры по восстановлению запасов рыбы, традиционно составляющих основу коммерческого рыболовства на Балтике.

В настоящее время, по сути, единственным действенным инструментом, способным оказывать заметное влияние на текущее и будущее состояние рыбных запасов Балтийского моря, являются квоты (административные ограничения) на вылов рыбы. Политические решения об использовании данного инструмента обычно принимаются на основе устоявшихся, общепризнанных процедур. В упрощенном виде содержание этих процедур состоит в том, что ежегодно Международный совет по исследованию моря (ICES), в состав которого входят ведущие ученые из стран-членов Совета, публикует сведения о состоянии рыбных запасов и рыболовства. Эта информация затем используется для выработки рекомендаций ICES правительствам стран-членов по объемам добычи рыбы. Поскольку коммерческое использование рыбных ресурсов Балтийского моря в настоящее время осуществляется только странами ЕС и Россией, соответствующие решения принимаются органами этих стран, ответственными за политику в области рыболовства (в ЕС на основании решений Совета Европейского Союза, в РФ – постановлений Правительства). Следуя рекомендациям ICES, европейский и российский регуляторы ежегодно устанавливают размер ОДУ на следующий год, руководствуясь не только этими рекомендациями, но и приоритетами и целями своей политики. Такой подход предполагает, что для запасов, по которым имеются достоверные научные знания и точные оценки, разрешенный объем вылова должен устанавливаться на уровне MSY (максимальный устойчивый вылов), в то время как для менее изученных запасов допустимый уровень добычи следует определять исходя из принципа предосторожности. Принято считать, что подобное нормирование рыболовства минимизирует его угрозу воспроизводству и будущей продуктивности запасов. Однако, хотя рекомендации ICES и опираются на наилучшие на текущий момент научные разработки и данные, они являются отражением узкого, сфокусированного только на состоянии рыбных запасов и прибыли рыбаков взгляда на масштабы хозяйственного использования этого

ресурса, сильно упрощающего либо игнорирующего многие другие не менее важные аспекты.

Некоторыми представителями научного сообщества подвергается критике основополагающий принцип, на котором зиждется механизм квотирования рыбодобычи, поскольку сомнительна сама идея использования в качестве главного ориентира для установления пределов эксплуатации рыбных ресурсов столь одностороннего, абстрактного и трудно проверяемого показателя, каким, по сути, является MSY. Теоретически ведение промысла на уровне MSY означает, что эксплуатация ресурса приносит максимально возможную прибыль его непосредственным пользователям и одновременно минимизирует угрозу существованию этого ресурса (что, по мнению авторов концепции MSY, отвечает интересам общества). Однако ряд ученых (в том числе, один из разработчиков этой концепции С. Дж. Холт) придерживается мнения, что более низкие, чем установленные на основе MSY, уровни вылова будут способствовать увеличению прибыльности рыбной отрасли и повышению устойчивости рыбных запасов и экосистем [2]. Существуют также более радикальные взгляды, согласно которым концепция MSY, в принципе, несостоятельна в условиях Балтийского моря, поэтому базирующаяся на данной концепции система регулирования рыболовства посредством установления квот на вылов должна быть кардинально пересмотрена [3]. Проблема неоптимальности управления рыбными ресурсами дополнительно усугубляется тем, что фактически при определении квот на вылов рыбы политиками обычно принимаются во внимание в первую очередь экономические и социальные, а не экологические критерии. В результате в отношении использования рыбных ресурсов Балтийского моря сложилась устойчивая многолетняя практика установления более высоких уровней квот, чем те, которые были рекомендованы на основании MSY [4].

Оставив в стороне теоретические дискуссии, часто избыточные довольно спорными суждениями и неподтвержденными выводами, рассмотрим наиболее важные, на наш взгляд, стороны сложившейся практики использования рыбных ресурсов Балтийского моря, акцентируя внимание на экономических аспектах деятельности российского рыболовства (поскольку они фактически выступают главным аргументом нынешней рыболовной политики). Целью нашего исследования является оценка перспективы устойчивого рыболовства в регионе, политика управления которым должна строиться на учете всей сложности взаимосвязей между состоянием природной среды и неэкологическими факторами и эффектами, обусловленными рыбопромысловой деятельностью. Работа опирается на данные и выводы других отечественных и зарубежных исследований рыбных запасов и рыболовства в Балтийском море, для анализа социально-экономических аспектов деятельности рыболовства используется информация, полученная из общедоступных баз данных и открытых источников.

Материалы и методы

Одной из ключевых составляющих широко используемой для регулирования рыболовства концепции MSY является величина нерестовой биомассы запасов рыб. Данный показатель, характеризующий биологическое состояние ресурса и его способность к самовоспроизводству, рассчитывается на основании как эмпирических, так и оценочных данных. Согласно исследованиям российских научных организаций, "в настоящее время, из суммарного объема нерестовой биомассы запасов рыб, важных для отечественного рыболовства в Балтийском море, около 65 % приходится на шпрот, более 30 % – на сельдь, менее 5 % – на треску и около 1 % – на камбаловые виды рыб" [5]. По оценке ICES, запасы одного из важнейших (по объему добычи и прибыли) ресурсов российского рыболовства – сельди в центральном бассейне Балтийского моря в течение нескольких последних лет находятся на очень низком уровне и даже при полном отсутствии промысла не смогут восстановиться в ближайшие годы [6]. Основываясь на этом заключении, Комиссия ЕС предложила в 2024 году продолжить запрет на промысел западно- и центрально-балтийской сельди (с учетом прилова в других промыслах) [7]. Однако данное предложение вызвало негативную реакцию рыболовного бизнеса, который не только категорически возражал против закрытия промысла, но и, напротив, требовал увеличения квот на вылов сельди и шпрота. Под влиянием отраслевого лобби чиновники, представляющие регулирующие органы государств-членов ЕС, отклонили предложение Комиссии о запрете на вылов сельди в центральной части Балтики, взамен введя лишь ограничения на ее траловый промысел в отдельные периоды времени в качестве так называемой "меры по исправлению положения", призванной улучшить состояние рыбных запасов. Кроме того, Еврокомиссия внесла изменения в ряд союзных документов, регламентирующих вопросы использования рыбных ресурсов, чтобы устранить возникшие в связи с их новой трактовкой противоречия. Принимая эти решения, чиновники ЕС ссылались на "потенциально серьезные социально-экономические последствия", возникающие в результате лимитирования рыболовства, имея в виду, прежде всего, краткосрочное воздействие ограничительных мер на рыбаков и перерабатывающую промышленность. Подобные доводы традиционно используются в качестве главных аргументов для обоснования более высоких уровней квот, чем те, которые предлагают ученые и эксперты. Во многом аналогичные мотивы служат основанием для принятия решений об установлении ОДУ и другим участникам промысловой деятельности на Балтике – Россией. Руководствуясь сиюминутными выгодами, отчасти ориентируясь на результаты неполных знаний и несовершенных методов оценки, регуляторы склонны игнорировать вполне реальные (подтверждаемые мировым опытом) угрозы, вызванные перманентной истощенностью рыбных запасов, в предельном случае грозящие их коллапсом и крахом рыболовства.

Для того чтобы оценить, как обозначенная проблема влияет на состояние и перспективы российского сегмента рыболовства на Балтике, необходимо привести некоторые данные, качественно и количественно характеризующие его деятельность.

Хотя площадь акватории, на которой ведут промысел российские рыбаки (26-й и 32-й подрайоны ICES, включая Куршский и Калининградский заливы), не превышает 6 % от всей площади Балтийского моря, на ее воды приходится заметно более высокая доля в пространственном распределении рыбных запасов Балтики. В частности, по оценке отечественных ученых, здесь сосредоточено до 15 % от общего объема биомассы восточно-балтийской трески и не менее 12 % сельди и шпрота [8]. Сырьевую основу российского рыболовства на Балтике составляет самый массовый рыбный ресурс – мелкосельдевые виды рыб (шпрот и сельдь балтийская), на долю которых в последние годы приходилось около 90 % всего объема добычи. На рисунке 1 приведены данные об объемах вылова российскими рыбаками основных промысловых рыб Балтийского моря (по данным Росрыболовства).

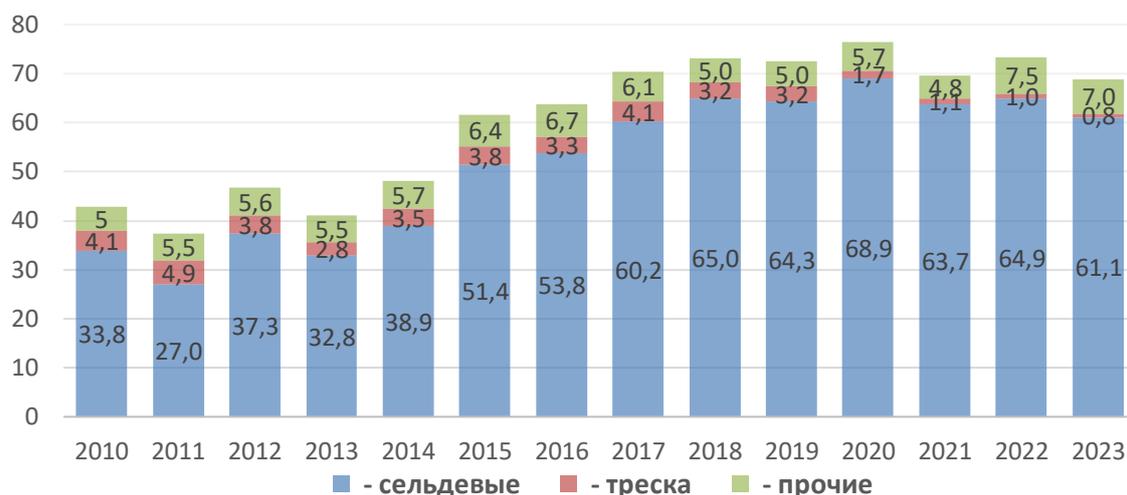


Рисунок 1 – Объемы вылова основных видов промысловых рыб российскими рыбаками в Балтийском море, тыс. тонн

Figure1 – Volumes of catch of the main types of commercial fish by Russian fishermen in the Baltic Sea, thousand tons

Источник: Росрыболовство.

Нетрудно заметить существенное увеличение общего объема добычи рыбы после 2015 года, которое было обеспечено, в основном, за счет роста промысловой нагрузки на запасы мелкосельдевых рыб. Так, если среднегодовой вылов мелкосельдевых в 2010-2014 гг. составлял 34 тыс. тонн, то на "пике" добычи в 2020 году этот показатель вырос в 2 раза и достиг 69 тыс. тонн. В среднем за последние несколько лет российские рыбаки ежегодно добывали от 23 до 25 тыс. тонн балтийской сельди и около 40 тыс. тонн шпрота. На долю России приходится 15-17 % от общего вылова шпрота и центрально-балтийской сельди, причем в последние годы, на фоне последовательного сокращения

промысла странами ЕС, этот показатель достиг максимальных значений. Вклад отечественного рыболовства в использование рыбных ресурсов Балтики еще более весом, если рассматривать только основную зону российского промысла. Так, в 2020 году доля вылова российскими рыбаками шпрота в 26-м подрайоне ICES превысила 50 % от общего вылова, а соответствующий показатель по сельди центрального запаса в 26-м и 32-м подрайонах ICES составлял 38 и 41 %, соответственно [8]. После запрета на промысел ранее наиболее коммерчески привлекательной рыбы Балтийского моря – трески, введенного странами ЕС в 2020 году, ее добыча (правда, в исчезающе малых размерах) осуществляется только российскими рыбаками.

Вслед за увеличением объемов вылова в последние годы существенно выросла и промысловая нагрузка на рыбные запасы в российской зоне Балтийского моря. Так, если в 2004-2011 гг. освоение национальных квот по шпроту и салаке отечественными рыбопользователями в среднем составляло около 70 %, то в 2020 году данный показатель достиг максимальных 98 % и 90 %, соответственно. Существуют разные объяснения причин этого роста, в основном, непосредственно не связанные с состоянием рыбных запасов. Так, среди факторов, обусловивших низкий уровень освоения квот на вылов пелагических рыб в начале 2000-х годов, эксперты часто выделяют неблагоприятную ценовую конъюнктуру, значительный физический и функциональный износ промыслового флота и береговых мощностей [8], а также распространенную в то время практику теневого ("неучтенного") промысла [9]. Называются и другие причины, например, такие как колебания потребительских предпочтений, конкурентное давление со стороны импортной продукции, административные барьеры, неблагоприятные погодные условия, всплески военной активности и др., хотя и вызывавшие сильную волатильность добычи в отдельные годы, однако в силу своей переменчивости неспособные оказывать долгосрочное влияние на уровень освоения квот. Начиная с 2012 года, ситуация в российском промысле мелкосельдевых рыб на Балтике кардинально изменилась, что выразилось в скачкообразном росте уровня освоения квот отечественными рыбаками. По мнению экспертов, этому способствовало, прежде всего, общее оживление экономической конъюнктуры, вызвавшее повышение закупочных цен на шпроты и сельдь, поддержка со стороны областного бюджета, расширившего практику софинансирования проектов обновления производственных мощностей местной рыбной промышленности [8], а также налаживание системы контроля над промысловой деятельностью. Под воздействием указанных факторов в середине второго десятилетия XXI века российские рыбаки смогли достичь максимального (вероятно, предельно возможного на текущий момент) уровня эксплуатации основных "коммерческих" запасов рыб Балтийского моря.

Однако ограниченные и крайне уязвимые рыбные ресурсы, являющиеся частью хрупкой экосистемы Балтийского моря, оказались не в состоянии

длительно поддерживать высокие объемы добычи. Первой "жертвой" избыточного промыслового давления стали запасы балтийской трески, по многим параметрам сейчас вполне соответствующие ситуации, характеризуемой термином "коллапс". Более многочисленные и, вероятно, жизнеспособные запасы шпрота и сельди смогли выдерживать интенсивную эксплуатацию несколько дольше, однако и они к настоящему времени приблизились либо уже перешли в категорию "переловленных". Все большим числом экспертов высказываются опасения относительно перспектив их дальнейшего, столь же активного использования. Так, если еще в начале 2023 года в пресс-релизе Атлантического филиала ВНИРО оптимистично сообщалось, что запас сельди Центральной Балтики находится на довольно стабильном уровне (отмечалось лишь некоторое снижение величины нерестового запаса), что давало основания для прогнозирования сохранения объемов добычи этой рыбы на достигнутом уровне, то в уже в конце того же года специалистами ВНИРО состояние запаса центрально-балтийской сельди было признано критическим, и "в ближайшее время следует ожидать снижения объёмов её добычи" [10].

Во многом аналогичная ситуация сложилась и в зарубежном сегменте балтийского промысла мелкосельдевых рыб. В частности, рекордные уловы сельди европейскими рыбаками (на протяжении 2010-х годов они превышали 100 тыс. т в год, а в 2020 г. достигли 177 тыс. т [11]), получаемые благодаря завышенным квотам на вылов и практически полному их освоению, привели к обвальному сокращению нерестовой биомассы этой рыбы в Балтийском море. По оценке ICES, в результате хищнического использования к началу 2020-х годов величина запасов сельди в центральной части Балтийского моря сократилась на 40 % [12]. Осознание того, что запасы сельди достигли критического уровня, побудило Европейскую комиссию предложить установить нулевую квоту на вылов этой рыбы европейскими рыбаками [13] (напомним, что под давлением отраслевого лобби это предложение было, в конечном счете, отвергнуто). Эксперты также отмечают, что последний крупный запас шпрота в Балтийском море демонстрирует заметные признаки ослабления – его величина из-за высокой промысловой нагрузки резко сокращается, а пополнение является самым низким за все время наблюдений [14].

В силу того, что, как отмечалось выше, экологические аспекты являются далеко не основным критерием при установлении уровня интенсивности эксплуатации рыбных ресурсов, важным является изучение других мотивов, движущих рыболовной политикой всех стран Балтийского моря. Это, тем более, важно, поскольку ухудшение состояния запасов основных промысловых рыб не могло не привести к снижению объемов и качества уловов и, соответственно, к ряду существенных социально-экономических последствий (например, таких как сокращение занятости и доходов рыбаков, разрушение самодостаточных локальных цепочек производства продуктов питания, монополизация отрасли, утрата местных традиций и самобытности и др.).

Результаты и обсуждение

Первые тревожные признаки надвигающихся проблем появились еще в середине 2010-х годов, когда рыбаки, ведущие промысел сельди на восточном побережье Швеции, стали все чаще сообщать о "нулевом" улове. Чтобы компенсировать последствия массового сокращения прибрежного промысла, в основном, ведущегося малым бизнесом, шведское правительство было вынуждено расширить практику субсидирования рыболовства, увеличив тем самым нагрузку на и без того перенасыщенные обязательствами общественные бюджеты. Но сокращение уловов стало не единственным следствием проблемы истощения рыбных запасов. Заметно ухудшилось качество рыбы, размеры которой перестали соответствовать пищевым стандартам и не позволяли использовать ее для производства большинства традиционных рыбопродуктов. По оценке, в настоящее время более 90 % шведского и финского улова сельди используется как техническое сырье и перерабатывается в рыбную муку, идущую на изготовление кормов для звероводства, птицеводства и рыбных ферм. При этом 80 % рыбы, используемой в пищу в Финляндии, импортируется из других стран [15].

Другим, не менее важным следствием тотального перелома рыбных ресурсов Балтийского моря стало ухудшение экономических показателей регионального рыболовства. Согласно недавнему отчету STECF (Scientific, Technical and Economic Committee for Fisheries) [16], в течение ряда лет, как минимум, начиная с 2018 года, европейский рыболовный флот, оперирующий в Балтийском море, демонстрирует тенденцию снижения реальной (очищенной от инфляции) выручки и добавленной стоимости, а некоторые его национальные сегменты уже несколько лет хронически убыточны. Так, по данным вышеупомянутого отчета, в 2020 году балтийское рыболовство ЕС в целом принесло чистый убыток в размере 18,9 млн. евро, а в 2021 году – 9,9 млн. евро. Соответственно, рентабельность по чистой прибыли, хотя и несколько улучшилась (-24 % в 2021 г. по сравнению с -43 % в 2020 г.), тем не менее, остается сильно отрицательной. Среди стран Балтийского моря особенно высокие убытки генерируют региональные рыболовные флоты Германии, Дании и Швеции. Продолжает сокращаться количество рыбаков, занятых на промысле на Балтике, особенно в сегменте SSCF (малый флот прибрежного лова), на долю которого в 2021 году приходилось 92 % судов, в то время как в этом сегменте балтийского рыболовства было занято только 62 % от общего числа работников. Это, по мнению авторов отчета STECF, указывает на преимущественно неполный характер занятости и является явным признаком проблем в отрасли. В 2021 году штатная численность рыбаков продолжила тенденцию к сокращению (-10 % к предыдущему году) и достигла минимального уровня с 2008 года. Всего же с 2013 по 2021 г. общая занятость в балтийском рыболовстве ЕС уменьшилась на 25 %. В то же время, сокращение числа работников не переломило существующую в течение нескольких последних лет негативную

тенденцию снижения уровня финансовой отдачи от их труда. Показатель производительности труда в 2021 году, по сравнению с 2020 годом, уменьшился на 26 % в сегменте SSCF и на 21 % в сегменте LSF балтийского рыболовства ЕС [16].

Устойчивое ухудшение экономических показателей рыболовства является причиной роста общественных издержек и негативно отражается на благосостоянии населения стран Балтийского моря. Так, по оценке шведских ученых, деятельность национального промышленного рыболовства на Балтике приводит к чистым общественным затратам в размере 626 млн. шведских крон в год. Эта сумма складывается из предоставленных рыбакам субсидий, различного рода административных расходов, а также недополученных налогов вследствие нерационального использования общественных и частных финансовых ресурсов. Расчеты показали, что только за счет сокращения субсидий на рыболовство станет возможным высвободить и перераспределить на другие, более важные для общества нужды от 70 до 165 млн. шведских крон в год [17]. Следует отметить, что данное исследование не принимало в расчет увеличение экономической ценности различных неявных благ, обусловленных улучшением состояния окружающей среды, частью которой являются рыбные ресурсы, эффекты от них выражаются как в росте выгод от других видов экономической деятельности, в частности, туризма и рекреации, так и в иных непосредственно не монетизируемых формах, например, в улучшении здоровья и повышении качества жизни людей [18]. Очевидно, что учет этих скрытых эффектов приведет к увеличению издержек, которые вынуждено платить общество, продолжая поддерживать практику чрезмерного рыболовства.

Российское рыболовство на Балтике, хотя и демонстрирует лучшие, по сравнению с европейским региональным рыболовством, показатели, тем не менее, также испытывает на себе возрастающее влияние фактора ограниченности сырьевой базы¹. К сожалению, в открытом доступе отсутствует полноценный набор данных и аналитической информации, характеризующих производственно-финансовые и социальные результаты деятельности рыболовства в РФ, аналогичный материалам, содержащимся в отчетах STECF. Поэтому, чтобы оценить весь комплекс социально-экономических последствий от фактического и ожидаемого сокращения сырьевой базы российского рыболовства в регионе Балтийского моря, необходимо выполнить довольно трудоемкую и сложную работу по сбору, обработке, верификации, согласованию и анализу информации, полученной из разных первичных источников. Такими источниками, в случае предварительной оценки, могут служить общедоступные базы данных Федеральной налоговой службы, Росстата и Росрыболовства, содержащие информацию об имущественном состоянии и финансовых

¹ До последнего времени угнетающее действие этого фактора довольно успешно нивелировалось разными административными мерами, прямо и косвенно стимулирующими добычу.

результатах деятельности предприятий–рыбопользователей, а также предоставляющие сведения, дающие представление о некоторых производственно-экономических аспектах работы отрасли.

Согласно данным территориального органа Росстата по Калининградской области, в последние годы рыбным промыслом в Балтийском море, Калининградском и Куршском заливах занимались около 30 малых предприятий (в 2023 г. – 26), на которых было занято от 450 до 540 работников (рисунок 2). Оборот этих предприятий по виду деятельности "Рыболовство, рыбоводство" в фактических ценах за 2017–2023 гг. вырос почти в 2 раза и достиг 2,7 млрд. руб. Хотя и не столь внушительно, но также выросла и реальная выручка предприятий (в 1,7 раза)¹ (рисунок 3). Сопоставление динамики этого показателя с объемами добычи (рисунок 1) подтверждает вывод, сделанный в наших предыдущих исследованиях, о том, что данный рост был во многом обеспечен довольно резким (на фоне стагнации 2016-2020 гг.) скачком цен на все виды рыбопродуктов в регионе в 2021–2022 гг. [19].

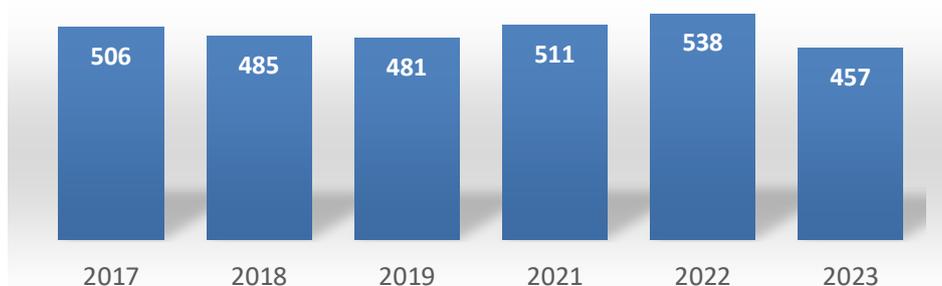


Рисунок 2 – Средняя численность работников калининградских предприятий, ведущих промысел в Балтийском море и заливах, чел.

Figure 2 – Average number of employees of Kaliningrad enterprises engaged in fishing in the Baltic Sea and bays, people

Источник: Калининградстат.

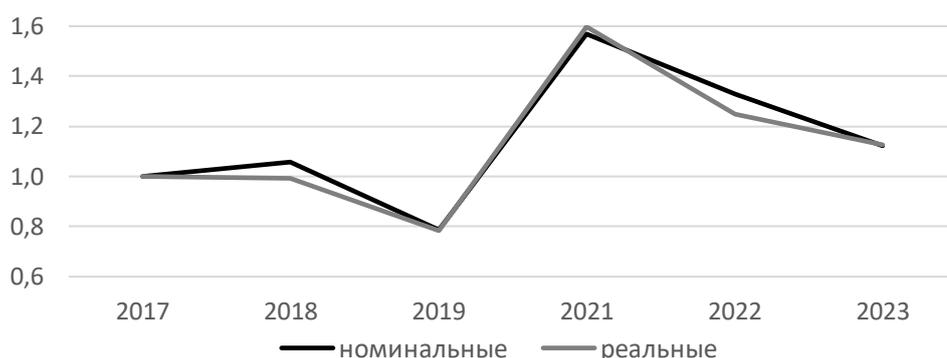


Рисунок 3 – Темпы роста оборота малых предприятий Калининградской области по виду экономической деятельности "Рыболовство, рыбоводство"

Figure 3 – Growth rates of turnover of small enterprises of the Kaliningrad region by type of economic activity "Fishing, fish farming"

Рассчитано по: Калининградстат.

¹ В качестве индекса-дефлятора при расчете реальной выручки использованы годовые значения индекса цен производителей сельскохозяйственной продукции в Калининградской области.

Высокая волатильность выручки и численности работников обусловила сильные колебания уровня производительности труда¹ (рисунок 4) на фоне его роста за период с 2017 по 2023 г. на 11 %. При этом изменение данного показателя носило запаздывающий (с лагом в 1–2 года) по отношению к изменению выручки характер и, вероятно, в основном было обусловлено гибкой кадровой политикой рыболовецких предприятий, оперативно реагирующих на изменение рыночной конъюнктуры и условия ведения бизнеса².

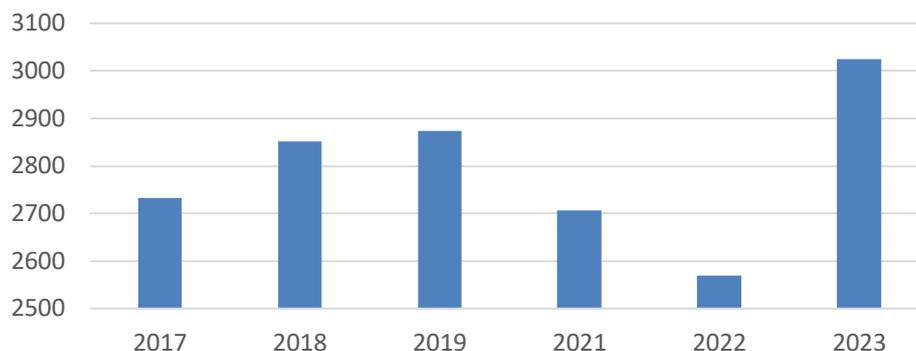


Рисунок 4 – Производительность труда в калининградском малом бизнесе по виду деятельности "Рыболовство, рыбоводство", тыс. руб./чел.

Figure 4 – Labor productivity in Kaliningrad small businesses by type of activity "Fishing, fish farming", thousand rubles/person

Рассчитано по: Калининградстат.

Общедоступными стандартными индикаторами экономической эффективности деятельности коммерческих предприятий являются показатели рентабельности продаж и активов. Значения этих показателей для различных сегментов регионального рыболовства в РФ раскрываются Росстатом (сайт ЕМИСС). В частности, ведомством предлагаются соответствующие показатели для вылова рыбы и водных биоресурсов в открытых районах Мирового океана и внутренних морских водах сельскохозяйственными товаропроизводителями за 2004–2015 гг., а также для морского промышленного и прибрежного рыболовства за 2020–2023 гг. в региональном разрезе, позволяющие приблизительно оценить успешность работы российского сегмента балтийского рыболовства. Согласно этим данным, рентабельность продаж рыболовецких предприятий–сельхозпроизводителей в Калининградской области в 2010–2015 гг. составляла 8 % в среднем в год, рентабельность активов – 13 %. Эти же показатели за 2020–2023 гг. по виду деятельности "Морское промышленное рыболовство" у калининградских предприятий составляли 35 % и 22 %, соответственно, а по виду деятельности "Морское прибрежное рыболовство" – 0 % и 12 % [20].

¹В данном случае используется стоимостной эквивалент показателя, величина которого рассчитывается как отношение годового оборота к среднегодовой численности работников.

² Отметим, что данное утверждение требует дополнительной проверки.

Некоторые сомнения вызывает чрезвычайно высокая волатильность значений показателей рентабельности, раскрываемых органом Госстатистики. Для проверки была выполнена их альтернативная оценка на основе данных финансовой отчетности ведущих российских компаний, занимающихся промышленным рыболовством мелкосельдевых рыб в Балтийском море. В проверочных расчетах использована информация за 2018–2023 гг., содержащаяся в общедоступной базе данных ФНС (Государственный информационный ресурс финансовой (бухгалтерской) отчетности) об активах и деятельности компаний ООО "За Родину-Балтика", ООО "Марфиш", ООО "Морская фирма "Сталактит", ООО "Петротрал", СПК "Петротрал 2", на долю которых приходилось 67 % российских квот на вылов сельди и 69 % квот на вылов шпрота в акваториях Балтийского моря и заливов в 2023 году.

Результаты проверки в целом подтверждают информацию Росстата. Так, рентабельность продаж ведущих калининградских рыбопромысловых компаний на Балтике в 2018–2023 гг. в среднем составляла 18 % в год, рентабельность активов – 13 % в год. Аналогичные показатели двух основных региональных рыбодобывающих предприятий из Ленинградской области в среднем за 5 лет составляли 35 % и 15 % в год, соответственно. На рисунке 5 приведены агрегированные данные о рентабельности пяти ведущих российских предприятий, занимающихся промыслом мелкосельдевых рыб в Балтийском море.

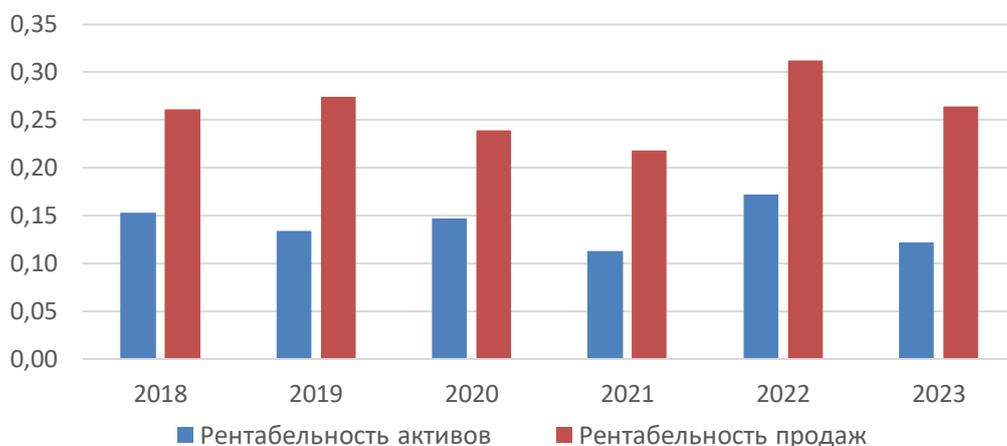


Рисунок 5 – Показатели рентабельности продаж и рентабельности активов, средние расчетные значения по 5 основным компаниям, ведущим промысел в Балтийском море

Figure 5 – Return on sales and return on assets indicators, average calculated values for 5 main companies operating in the Baltic Sea

Рассчитано по: ФНС России [21].

На рисунке 5 прослеживается тенденция некоторого снижения рентабельности, нарушенная в 2022 году, но затем восстановившаяся. Эта тенденция особенно заметна в деятельности предприятий Ленинградской области, которые, в отличие от своих калининградских коллег, в последние годы активно инвестировали в обновление рыбопромыслового флота (показатель

рентабельности активов у них в 2023 году уменьшился по сравнению с 2018 годом в 4 раза, в то время как у мало инвестирующих калининградских компаний, напротив, вырос в 7 раз). Однако главной, на наш взгляд, причиной снижения рентабельности является сокращение промышленной базы, во многом обусловившее уменьшение прибыли рыбодобывающих предприятий. Так, судя по данным ФНС, средние за 2018–2023 гг. темпы роста чистой прибыли пяти ведущих российских рыбопромышленных компаний на Балтике не превышали 0,3 % в год, причем в 2023 году, по сравнению с предыдущим годом, совокупная прибыль этих компаний сократилась почти в 2 раза.

Особенно проблематичная ситуация складывается в Центральной Балтике – зоне промысла компаний, базирующихся в портах Калининградской области. По данным Западно-Балтийского территориального управления Росрыболовства, выделенные калининградским рыбакам на 2023 год квоты на вылов рыбы в целом были освоены только на 78 %, причем по отдельным видам рыб (треска, салака) уровень освоения квот составил 53-63 %. Очевидно, что столь сильное снижение добычи не могло не отразиться на финансовых показателях и неизбежно негативно повлияло на цены и другие показатели доступности продукции отрасли. Хотя некоторые эксперты считают, что основаниями текущего спада добычи стали издержки таможенного законодательства, препятствующего использованию судов, зарегистрированных в Калининградской ОЭЗ на промысле за пределами территориальных вод РФ, а также другие события и причины, не связанные с состоянием рыбных ресурсов [22], эти факторы сами по себе не способны оказывать устойчивое влияние на производственно-финансовые показатели отрасли. Как отмечалось выше, стагнация, а затем и падение добычи отечественными рыбаками обуславливается комплексом причин, среди которых ведущую роль играет ухудшение состояния рыбных запасов в регионе Центральной Балтики. Признание данного факта должно стать предпосылкой для фундаментального пересмотра существующей политики управления рыболовством, наиболее вероятным исходом которой, в случае ее продолжения, станет уничтожение последних оставшихся в Балтийском море относительно крупных популяций рыбы.

Заключение

Деградация рыбных ресурсов Балтийского моря, оказывающая существенное влияние на региональное рыболовство, имеет многогранные причины. Среди них немаловажную роль играют серьезные изъяны в сложившейся практике установления допустимых размеров вылова рыбы, приводящие к чрезмерно высокой нагрузке на рыбные ресурсы. Несмотря на многолетнюю историю применения механизма квотирования, многие его составляющие по-прежнему далеки от совершенства. В частности, предваряющая принятие решений об установлении квот научная оценка запасов

часто базируется на неполных и неточных данных о состоянии рыбных ресурсов и деятельности рыболовства и, как правило, опирается на узкоотраслевой подход (концепция MSY), не способный учитывать многие важные аспекты и последствия. Кроме того, итоговое политическое решение о допустимых объемах добычи обычно принимается не на основании хотя и несовершенных, но, тем не менее, имеющих некое научное обоснование выводов и рекомендаций, а, главным образом, исходя из субъективных, конъюнктурных и сиюминутных интересов отдельных, наиболее влиятельных на текущий момент стейкхолдеров. Результатом такой политики становится хронический перелов рыбы, приводящий к катастрофическому сокращению ее запасов и, в конечном итоге, к необратимым изменениям в природной среде. Доминирование в рыболовной политике краткосрочных производственных, экономических или социальных целей, для достижения которых используются все доступные на текущий момент ресурсы, вступает в явное противоречие с принципами устойчивого развития, наиболее полно отражающими долгосрочные интересы общества.

Единственно разумной альтернативой существующей политике является переход всех стран, ведущих рыбный промысел в Балтийском море, к модели эколого-ориентированного рыболовства, в максимальной степени учитывающей специфику региона. В основе этой модели лежит предосторожный подход к хозяйственному использованию всех без исключения природных ресурсов, а ее жизнеспособность подтверждается мировой практикой рыболовства, в которой имеется ряд успешных примеров восстановления и последующей стабилизации рыбных запасов после введения строгих ограничений на вылов, вплоть до временного полного запрета (такими примерами, в частности, могут служить решения по управлению промыслом трески на севере Норвегии и у восточного побережья Канады, хека у побережья Южной Африки, результатами которых стало повышение устойчивости регионального рыболовства). В рамках предлагаемого подхода кратковременную потерю рыбаками и потребителями выгод из-за вынужденного сокращения уловов следует интерпретировать как инвестиции в увеличение запасов и последующий рост добычи, доходов, а также получение других позитивных эффектов. Мы также полагаем, что ключом к решению многих проблем балтийского рыболовства может стать полноценная реализация концепции т. н. "синей экономики", означающей переход от традиционного узкоотраслевого подхода управления к экосистемному, опирающемуся на консолидацию усилий всех стран региона Балтийского моря, путем скоординированного использования таких инструментов эколого-ориентированной экономической политики как интегрированное управление прибрежными зонами, морское пространственное планирование, создание защищенных морских территорий, в том числе, носящих трансграничный характер. Ясное понимание и учет всей совокупности сложных взаимосвязей между экономической активностью, ее антропогенным воздействием,

процессами изменения климата и состоянием экосистем имеет решающее значение для обеспечения устойчивого использования прибрежных и морских ресурсов Балтики в интересах нынешнего и будущих поколений населяющих ее берега народов.

Список источников

1. Almesjö L., Limén H. Fiskpopulatio neris venskavatten Hurrpåver kasdeavfiske, övergödning ochmiljögifter? Riksdagstryckeriet, Stockholm, 2008. 86 p.
2. Selected Writings of Sidney J. Holt: Documenting A Lifelong Pursuit of Sustainable and Profitable Fishing. Edited by E. Anderson and M. Earle. AFS. 650 p.
3. Baltic Sea Brief 56: Major risks when deciding on fishing quotas. BalticWaters. 9 May 2023. Доступно по адресу: <https://balticwaters.org/en/baltic-sea-letter-56/>
4. Vetens kapligarek ommendation erochbeslutade kvoter. Baltic Waters. Доступно по адресу: <https://balticwaters.org/faktabanken/vetenskapliga-rekommendationer-och-beslutade-kvoter/>
5. Бандурин К. В., Амосова В. М., Голубкова Т. А., Архипов А. Г. Состояние и эксплуатация запасов промысловых видов рыб российской части Балтийского моря, Куршского, Калининградского и Финского заливов // Труды ВНИРО. 2024. Т. 195. С. 24–34.
6. ICES Advice 2023Collection. ICES. 2023.
7. Fishing opportunities for 2024 in the Baltic Sea. Brussels, 28.08.2023. Доступно по адресу: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/api/files/document/print/en/ip_23_4287/IP_23_4287_EN.pdf
8. Карпушевский И. В., Голубкова Т. А., Архипов А. Г. Сырьевые ресурсы Балтийского моря и его заливов // Вопросы рыболовства. 2015. Т. 16, № 3. С. 278–292.
9. Харин А. Г., Усанов А. Н. Исследование факторов инвестиционной активности в российском рыбном хозяйстве // Финансы и кредит. 2022. Т. 28, вып. 2. С. 322–346.
10. Квоты на вылов балтийской сельди предлагают сократить вдвое // Корабел.ру. 09.06.2023. Доступно по адресу: <https://www.korabel.ru/news/comments/>
11. Report of the Baltic fisheries assessment working group (WGBFAS). ICES Scientific Reports. 2021. 3:53. 717 p. DOI: 10.17895/ices.pub.8187.
12. Forskare om kvotförslaget: Fisketbordes tängshelt. Stockholms universitets Östersjöcentrum. 01.06.2023. Доступно по адресу: <https://www.su.se/stockholms-universitets-ostersjocentrum/nyheter/forskare-om-kvotf%C3%B6rslaget-fisket-bordest%C3%A4ngas-helt-1.659073>

13. Commission proposal fishing opportunities Baltic Sea 2024. [Электронный ресурс]. Доступно по адресу: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/api/files/document/print/en/qanda_23_4288/QANDA_23_4288_EN.pdf
14. Baltic Fisheries Assessment Working Group (WGBFAS). ICES Scientific Reports. 2022;4(44):659.
15. Saarni K., Setälä J., Niukko J. Kalamark kinakatsaus 2023 (Обзор рыбного рынка - 2023). Luke. Luonnonvara – ja biotalouden tutkimus 43/2023. Доступно по адресу: https://jukuri.luke.fi/bitstream/handle/10024/553302/Luke-luobio_43_2023.pdf?sequence=1&isAllowed=y
16. Prellezo R., Sabatella E., Virtanen J., Tardy Martorell M., Guillen J. The Annual Economic Report on the EU Fishing Fleet (STECF 23-07). Scientific, Technical and Economic Committee for Fisheries. Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2023.
17. Fölster S., Humborg C., Larsson P., Svedäng H. En vision för Östersjöns fiske. Baltic Sea 2020. Доступно по адресу: https://balticsea2020.org/images/Bilagor/bs2020_vision_for_ostersjons_fiske_screen_2020.pdf
18. Харин А. Г. Исследование предпосылок и возможностей для формирования единого ценностно-ориентированного подхода к управлению бизнесом // Экономический анализ: теория и практика. 2012. № 42 (297). С. 26–32.
19. Мнацаканян А. Г., Харин А. Г. Исследование доступности рыбопродуктов в Калининградской области: ценовой аспект // Вестник Керченского гос. морского технол. ун-та. 2023. № 1. С. 173–185.
20. Показатели, характеризующие имущественное и финансовое положение организаций. ЕМИСС. [Электронный ресурс]. Доступно по адресу: <https://www.fedstat.ru/organizations/>
21. Государственный информационный ресурс финансовой (бухгалтерской) отчетности. ФНС России. Доступно по адресу: <https://bo.nalog.ru/>
22. Гонтарь Д. Почему в минувшем году калининградские рыбаки не выбрали квоты на вылов рыбы // Российская газета – Экономика Северо-Запада. 2024. № 31(9273).

Refereces

1. Almesjö L., Limén H. Fisk population erisvenskavatten Hur påverkas de av fiske, övergödning och miljögifter? Riksdags tryckeriet, Stockholm, 2008. 86 p.
2. Selected Writings of Sidney J. Holt: Documenting A Lifelong Pursuit of Sustainable and Profitable Fishing. Edited by E. Anderson and M. Earle. AFS. 650 p.

3. Baltic Sea Brief 56: Major risks when deciding on fishing quotas. BalticWaters. 9 May 2023. Доступно по адресу: <https://balticwaters.org/en/baltic-sea-letter-56/>
4. Vetenskapligare commendation eroch beslutade kvoter. Baltic Waters. URL: <https://balticwaters.org/faktabanken/vetenskapliga-rekommendationer-och-beslutade-kvoter/>
5. Bandurin K. V., Amosova V.M., Golubkova T. A., Arkhipov A. G. Status and exploitation of commercial fish stocks in the Russian part of the Baltic Sea, the Curonian, Kaliningrad and Finnish Gulfs // Trudy VNIRO. 2024;195:24-34. (In Russ.).
6. ICES Advice 2023 Collection. ICES. 2023.
7. Fishing opportunities for 2024 in the Baltic Sea. Brussels, 28.08.2023. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/api/files/document/print/en/ip_23_4287/IP_23_4287_EN.pdf
8. Karpushevskiy I. V., Golubkova T. A., Arkhipov A. G. Raw materials resources of the Baltic Sea and its bays. // Fishery issues. 2015;16,3:278-292. (In Russ.).
9. Kharin A. G., Usanov A. N. Study of investment activity factors in the Russian fisheries industry // Finance and Credit. 2022;28,2:322-346. (In Russ.).
10. It is proposed to halve the quotas for catching Baltic herring. URL: https://www.korabel.ru/news/comments/kvoty_na_vylov_baltiyskoy_seldi_predlagayut_sokratit_vdvoe.html
11. Report of the Baltic fisheries assessment working group (WGBFAS). 2021. ICES Scientific Reports. 3:53. 717 p.
12. Forskare om kvotförslaget: Fisketbordes tängas helt. Stockholms universitets Östersjöcentrum. 01.06.2023. URL: <https://www.su.se/stockholms-universitets-ostersjocentrum/nyheter/forskare-om-kvotfo%20C3%B6rslaget-fisket-bordest%20C3%A4ngas-helt-1.659073>
13. Commission proposal fishing opportunities Baltic Sea 2024. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/api/files/document/print/en/qanda_23_4288/QANDA_23_4288_EN.pdf
14. Baltic Fisheries Assessment Working Group (WGBFAS). ICES Scientific Reports. 2022. No. 4 (44). 659 pp. DOI: 10.17895/ices.pub.19793014
15. Saarni K., Setälä J., Niukko J. Kalamark kinakatsaus 2023. Luke. Luonnonvara - ja biota loudentut kimus 43/2023. URL: https://jukuri.luke.fi/bitstream/handle/10024/553302/Luke-luobio_43_2023.pdf?sequence=1&isAllowed=y
16. Prellezo R., Sabatella E., Virtanen J., Tardy Martorell M., Guillen J. The 2023 Annual Economic Report on the EU Fishing Fleet (STECF 23-07). Scientific, Technical and Economic Committee for Fisheries. Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2023.

17. Fölster S., Humborg C., Larsson P., Svedäng H. En vision för Östersjönsfiske. Baltic Sea 2020. URL: https://balticsea2020.org/images/Bilagor/BS2020_VISION_FOR_OSTERSJONS_FISKE_SCREEN_2020.pdf

18. Kharin A. G. Research of prerequisites and possibilities for formation of a unified value-oriented approach to business management // Economic analysis: theory and practice. 2012;42(297):26-32. (In Russ.).

19. Mnatsakanyan A. G., Kharin A. G. Study of availability of fish products in Kaliningrad region: price aspect // Bulletin of Kerch State Marine Technological University. 2023;1:173-185. (In Russ.).

20. Indicators characterizing the property and financial position of organizations. EMISS [Electronic resource]. URL: <https://www.fedstat.ru/organizations/>

21. State information resource of financial (accounting) reporting. Federal Tax Service of Russia. URL: <https://bo.nalog.ru/> (In Russ.).

22. Gontar D. Why last year Kaliningrad fishermen did not choose quotas for fishing // Rossiyskaya Gazeta – Economy of the North-West]. 2024;31(9273). URL: <https://rg.ru/2024/02/13/reg-szfo/pochemu-v-minuvshem-godu-kaliningradskie-rybaki-ne-vybrali-kvoty-na-vylov-ryby.html> (In Russ.).

Информация об авторе

А. Г. Харин – канд. экон. наук, доцент ИНОТЭКУ ФГБОУ ВО "КГТУ", Калининград, Россия

Information about the author

A. G. Harin – Candidate of economic sciences, Associate professor of INOTECU FGBOU VO "Kaliningrad State Technical University"

Статья поступила в редакцию 12.08.2024; одобрена после рецензирования 14.08.2024; принята к публикации 16.08.2024.

The article was submitted 12.08.2024; approved after reviewing 14.08.2024; accepted for publication 16.08.2024.